

Когда пришли Фан Цзинь и Цзян Цзе, Ли Синиан на кухне доставал крабовую икру.

Праздник середины осени не может быть полным без поедания крабов. Ли Синиан, американец, раньше почти никогда не ел свежую рыбу, креветки и т.д. из реки. Однако теперь он стал китайским зятем, неуклюже разделявая крабовые ножки маленькими ножницами на кухне.

Когда раздался звонок в дверь, Ли Синиан открыл дверь с крабовой икрой в руке и беспомощно вздохнул: "Я много раз говорил тебе, что когда выходишь из дома, нужно брать с собой ключ..."

Он был ошеломлен.

За дверью стояла пара средних лет с мешком крабов, мешком семян эвриалы и водяных каштанов. Брови и глаза мужчины были точной копией Фан Дайчуаня, но его лицо было более квадратным, чем у Дайчуаня. У женщины прямой нос и бледные губы в форме бриллианта.

Ли Синиан был ошарашен.

Он поспешно отошел в сторону и протянул руку, но тут же почувствовал, что это неуместно, так как его рука все еще была полна крабовой икры.

"Здравствуйте, дядя и тетя... Входите скорее, я... я друг Чуань-эргэ, приехал сюда на несколько дней". Он растерялся, и его указательный палец правой руки снова начал дрожать, еще сильнее, чем когда он столкнулся с дождем пуль.

Он побежал на кухню мыть руки и налил две чашки чая.

"Коллега по работе, ты тоже знаменитость?" Фан Цзинь последовал за ним на кухню и положил краба и семена эвриалы на стол для приготовления пищи. Бабушка Фан Дайчуаня родом из Цзянсу, и она любит это блюдо. Вся семья тоже его любит. Каждую осень она просит кого-нибудь купить и съесть его.

Ли Синиан помог замочить краба в воде и ответил: "Нет, я режиссер. Я случайно встретил Чуань-эргэ и пытался уговорить его сыграть роль".

"Это хорошая новость", - улыбнулся Фан Цзинь. "Это значит, что ты босс Чуань-эр. Как ты можешь сидеть дома и в одиночку чистить крабов? Чуань-эр слишком невежественен! Я научу его, когда он вернется".

Ли Синиан улыбнулся: "Все в порядке, мы же друзья".

Цзян Цзе некоторое время сидела в гостиной, чувствуя, что что-то не так.

Из женской интуиции и естественного материнского понимания своего сына, она встала и прошла по квартире сына.

Гостиная была безупречно чистой, шторы заменены на плотный темно-серый лен, на полке стояло несколько бутылок вина, а в углу комнаты находилась передвижная книжная полка. Как та, кто родила его, она знает, что даже если бы от этого зависела жизнь Фан Дайчуаня, он не смог бы так убираться. Дело не в том, что ему не нравится быть чистым и неряшливым. Он может прибратся в комнате, но это чистота на уровне "обычной" или даже "тщательной". Однако такой уровень уборки, по крайней мере, на поздней стадии обсессивно-компульсивного расстройства.

В углу гостиной также сидел странный кот. Увидев, что кто-то ворвался в комнату без предупреждения, она настороженно посмотрела на нее. Кошка не маленькая, на вид ей около года, и не похоже, что ее только что усыновили.

Увидев, что Ли Синиан и Фан Цзинь болтают на кухне, Цзян Цзе прокралась в спальню сына.

Оригинальные темно-синие простыни и пододеяльники были заменены на темно-серые, две подушки в белую полоску были хаотично сложены вместе, а одеяло лежало в беспорядке.

Окно было открыто, и в комнату дул прохладный ветер. На прикроватной тумбочке стояли две кружки - черная и белая, а сбоку от будильника были разбросаны распакованные презервативы.

Сердце Цзян Цзе заныло.

Она колебалась три секунды, прежде чем открыть дверь в ванную.

Там на держателе для зубных щеток стояли две электрические зубные щетки и пара полотенец. В этот момент она может утешить себя тем, что у сына есть девушка и он уже достаточно взрослый. Однако две бритвы в углу раковины - вот что нанесло Цзян Цзе смертельный удар.

Ее глаза разгорелись.

"А? У нас гость?" Фан Дайчуань вошел снаружи и увидел у двери две пары обуви.

Цзян Цзе опустила голову и вытерла глаза, вышла, сделав вид, что ничего не произошло: "Это мы".

Она не пропустила мгновенную панику в глазах сына. Увидев эти глаза, она почти разрушила все свои психологические конструкции и, успокоившись, улыбнулась и сказала: "Дядя прислал тебе крабов, а также семена эвриалы, они еще нежные. Ешь, пока панцирь влажный, не дай

ему высохнуть, они испортятся".

Фан Дайчуань сглотнул, его адамово яблоко зашевелилось, он осторожно заглянул на кухню, увидев, что ничего не происходит, он немного успокоился, и потянул мать сесть на диван: "О, мама, посмотри на себя, ты пришла сюда без звонка, что если меня нет дома?".

Цзян Цзе отвернула лицо: "У меня есть ключ. Если тебя не будет дома, я просто положу твои вещи, и мы уйдем. Ты не сделала ничего постыдного, так почему ты закрываешь дверь за нашей спиной?". Когда она это сказала, в конце концов, ей не удалось сдержаться, и в конце тон немного повысился, раздался слабый плач.

Палец Ли Синиана, который в данный момент разделял крабов, соскользнул, и ножницы вонзились в его указательный палец.

Фан Цзинь не слышал, о чем говорили двое снаружи. Он болтал с Ли Синианом. Он посмотрел на неуклюжие действия Ли Синиана и улыбнулся: "Ты не умеешь готовить крабов, тебе нужно больше практиковаться".

Ли Синиан кивнул и сказал: "То, что вы сказали, верно, я буду упорно тренироваться еще несколько лет".

"Попробуй мое ремесло в полдень!" Отец Фан с гордостью сказал: "Я уже много лет готовлю блюда для Праздника середины осени. Однако тебе все еще нужно практиковаться. Когда вместе живут одни мужчины, кто-то должен уметь готовить и убирать в доме, иначе все будет перевернуто вверх дном".

Отец умело размешал отдельно яичные белки и желтки, влил белый уксус и молотый имбирь, быстро взбил, вздыхая: "Чуань-эр просто избалован своим дедом и ничего не может сделать. Увы."

Ли Синиан неуверенно сказал: "Фортуна благоволит дуракам. Может быть, Чуань-эргэ женится на жене, которая, как оказалось, умеет готовить".

"Да, - усмехнулся отец Фан, - в последнее время родители с детства слишком балуют своих маленьких девочек, и лишь немногие умеют готовить."

Ли Синиан склонил голову и разломил крабовые ножки: "Если он тебе нравится, ты готов учиться ради него".

Снаружи Фан Дайчуань потянул свою мать и закрыл дверь.

"Мама, - Фан Дайчуань опустил голову и надолго задумался, - ты что-то знаешь?"

У Цзян Цзе вдруг потекли слезы. Она закрыла рот рукой и прижалась лбом к груди Фан Дайчуаня: "Что с тобой? Я помню, что раньше у тебя не было такой проблемы!"

Фан Дайчуань нерешительно обнял мать за плечи: "На самом деле, это было уже давно, и уже есть признаки с тех пор, как я был ребенком".

"Это из-за меня?" Цзян Цзе подняла лицо и посмотрела в лицо сына. "Когда ты видел меня в детстве, я всегда носила полицейскую форму, орудовала ножами и пистолетами и была сорвиголовкой. Это связано с этим?"

Фан Дайчуань рассмеялся: "Как это может быть! Мама! Нет, это не имеет никакого отношения к тебе, я просто родился таким, хватит об этом думать".

Цзян Цзе разрыдалась: "Я родила тебя, как ты можешь не иметь ко мне никакого отношения!"

Фан Дайчуань взял салфетку, поднес к лицу матери и вытер ей слезы: "Мама, ты родила меня и ты моя самая близкая родственница. Я не хочу скрывать его от тебя. Он - Ли Синиан".

Цзян Цзе закрыла глаза.

"Его жизнь очень тяжелая. Его отец умер рано, когда он был ребенком, а мать и дед не были добры к нему. Он никогда не наслаждался семейным теплом и счастьем. Он не похож на других людей, которые могут выйти из шкафа. Он может быть не в состоянии справиться с отношениями с вами. Поэтому я никогда не решался признаться тебе". Фан Дайчуань нежно обнял мать, посмотрел на белые волосы на макушке головы матери, его глаза погрузнели: "Но я хочу получить твое благословение, я люблю тебя и его тоже".

Его произношение очень хорошее. Когда он произнес слово "люблю", оно было четким и полным привязанности, оставив Цзян Цзе без слов.

"Дело не в том, что мама не хочет благословлять тебя", - Цзян Цзе разобралась со своими эмоциями и фыркнула, - "Мама боится. Мама не может сопровождать тебя всю жизнь, у тебя нет гарантии, что ты сможешь выйти замуж. Сможешь ли ты долго продержаться? Что о тебе подумают окружающие? Твоя работа... все в центре внимания. Мама боится".

Фан Дайчуань улыбнулся и посмотрел на мать теми же глазами, что и отец: "Пока ты не возражаешь, какой бы большой ни была буря снаружи, она не сломит меня. Я сын Цзян Цзе, лучшего офицера криминальной полиции".

Во время еды Цзян Цзе вела себя не так, как обычно, и не произнесла ни слова. Ли Синиан болтал и смеялся с отцом Фан, но задняя часть его рубашки была мокрой от пота.

За обеденным столом их с Цзян Цзе взгляды случайно встретились. Материнское горе и страх,

мольба и просьба, взгляд был настолько тяжелым, что Ли Синиан не мог удержать палочки для еды.

"Что с тобой сегодня?" Фан Цзинь улыбнулся и протянул жене блюдо с помощью палочки для еды: "Тебе не нравится, что я готовлю?".

Цзян Цзе посмотрела на умоляющие щенячьи глаза сына, затем на искреннего Ли Синиана, слегка покачала головой, осторожно положила овощное блюдо в миску Ли Синиана и мягко сказала: "Ты должен есть больше".

Глаза Ли Синиана покраснели, а палочки мгновенно выскользнули из его рук.

Отослав родителей, Фан Дайчуань опустился на диван, ущипнул Бету за уши и с улыбкой сказал: "Я напуган до смерти".

Ли Синиан сел сбоку и налил себе бокал вина: "Я действительно напуган до смерти". Его пальцы сильно дрожали.

Фан Дайчуань вспомнил сообщение о том, что Ли Синиан был зависим от наркотиков и находился в умеренной депрессии, и страдал от зависимости, когда нервничал. Это нормально, когда он не знает. Теперь, когда он знает, он не может смотреть, как Ли Синиан употребляет алкоголь, чтобы подавить свою наркотическую зависимость.

Он схватил бокал с вином, поднял голову и выпил его весь.

Ли Синиан удивленно уставился на него.

"В будущем тебе нельзя увлекаться алкоголем или наркотиками", - с улыбкой сказал Фан Дайчуань, когда его винное дыхание мягко коснулось губ Ли Синиана. "Ты можешь быть зависим только от секса".

Сказал он, расстегивая воротник рубашки Ли Синиана: "Думай обо мне, когда нервничаешь. Чуань-эргэ сломает себе спину ради тебя".

Улыбнувшись, Ли Синиан поцеловал его, вдыхая аромат вина из его горла.

<http://bllate.org/book/16082/1438720>